

ТРУДОВАЯ И ГУЖЕВАЯ ПОВИННОСТЬ НА НАЧАЛАХ НАЛОГА В НИЖЕГОРОДСКОЙ И ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИЯХ В 1921–1923 ГГ.

LABOR AND HORSE-DRAWN DUTY ON THE BASIS OF THE TAX IN NIZHNY NOVGOROD AND VYATKA PROVINCES IN 1921–1923

A. Stryapikhina

Summary. On the basis of regional historical material the author analyzes the experience of the soviet government in the collection of labour and horse-drawn tax. The essence, results of the tax and features of its collection in two largest provinces of the central part of Russia — Nizhny Novgorod and Vyatka are considered. It is concluded that the implementation of the tax was much easier than the duty, but to recover it in full failed. The lack of an effective mechanism for the implementation of the tax, low productivity, lack of personal interest in the work, the General impoverishment of the population as a result of the Civil war — the main reasons for the insolvency and abolition of the tax.

Keywords: labour duty, horse-drawn duty, labour and horse-drawn tax, labour productivity, work, working conditions..

Стряпихина Анна Александровна

*Институт пищевых технологий и дизайна
(филиал) Нижегородского государственного инженерно-
экономического университета
Нижегород*
anna-stryapikhina@rambler.ru

Аннотация. На основе регионального исторического материала анализируется опыт советского правительства по взиманию трудгужналога. Рассматриваются результаты данного налога в двух крупнейших губерниях центральной части России — Нижегородской и Вятской. Сделаны выводы о том, что выполнение трудгужналога было значительно легче, чем несение соответствующей повинности, однако взыскать его в полном объеме не удалось. Отсутствие эффективного механизма реализации трудгужналога, низкая производительность труда, отсутствие личной заинтересованности в работе, общее обнищание населения в результате Гражданской войны — главные причины несостоятельности и отмены налога.

Ключевые слова: трудовая повинность, гужевая повинность, трудгужевой налог, производительность труда, работа, условия труда.

Невозможно представить объективную политическую и социально-экономическую ситуацию в стране первой четверти XX в. без исследования особенностей развития регионов. Опора на местный материал дает возможность обогатить имеющиеся знания об исторических событиях того времени, показать всю сложность экономического положения страны после свершения революций и войн, углубить представления о методах работы советского правительства. Отметим, что заявленная тема является малоизученной, вопрос о трудгужналоге в Нижегородской губернии ранее специально не изучался исследователями. Отдельные аспекты осуществления трудгужналога в Вятской губернии, в частности, особенности перехода от натуральных отработок к денежной замене трудгужналога изучались В.И. Бакулиным, С.В. Березиным в рамках исследования государственной финансовой реформы 1922—1923 гг. [1]

Опыт советского правительства по организации обязательных работ на благо государства имеет значительный научный и практический интерес. Как в прошлом, так и в настоящем у трудящихся много времени уходит на переработки. Выполнение дополнительной работы в ущерб личному свободному времени сегодня встречается довольно часто на предприятиях и в организациях различных форм собственности.

Обязанность выполнять общественно полезные работы имела идеологическое обоснование. Так, В.И. Ленин указывал на особый характер труда в будущем коммунистическом обществе: «Коммунистический труд ... есть бесплатный труд на пользу общества, труд... вне нормы, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд по привычке трудиться на общую пользу...» [8, с. 315]. Власть вменяла труд в обязанность населению, лозунг «Не трудящийся, да не ест» был провозглашен в Конституции РСФСР 1918 г.

Данные представления о труде, а также экономические и военные потрясения первых лет советской власти обусловили введение трудовой повинности. Послереволюционная разруха, бездорожье, крах финансовой системы, Гражданская война, топливный кризис требовали привлечения большого количества рабочих рук для выполнения трудовых заданий. «Без всеобщей трудовой повинности не спасти страны от гибели» — писал Ленин в мае 1917 г. [7, с. 107].

Одним из видов трудовой повинности была гужевая повинность. Гужевая повинность включала в себя подвоз топливных, военных, продовольственных и иных государственных грузов в города, к железным дорогам,

пристаням. Ее исполняли граждане, владеющие лошадьми, другим упряжным скотом и перевозочными средствами [15].

По мере угасания Гражданской войны стало очевидно, что трудовая и гужевая повинность (далее, трудгужевая повинность), решая ряд частных проблем, оказалась малоэффективной для восстановления разрушенного народного хозяйства в условиях мирного времени. Труд на началах повинности характеризовался низкой производительностью, что противоречило реальным требованиям экономики.

Нижегородская и Вятская губернии к началу 1920-х гг. находились в состоянии глубокого социально-экономического упадка. Обе губернии оказались частично пострадавшими от свирепствовавшего в Поволжье голода. В 1920 г. промышленность Нижегородской губернии давала лишь 23% продукции довоенного времени [17, с. 4]. Повсеместно наблюдался недостаток сырья, материалов, топлива, вспомогательных средств, изношенность технического оборудования.

Экономическую ситуацию в Вятской губернии усугубляло отсутствие четко налаженной транспортной системы и всех видов связи, ввиду чего была весьма затруднительна переброска товарных запасов. Фабрично-заводская промышленность Вятской губернии имела небольшие размеры и не обеспечивала население необходимыми предметами промышленного производства [3, с. 236].

В 1920–1921 гг. в Нижегородской и Вятской губернии проводились организованные трудовые работы под громкими названиями: «Революционный месячник труда», «Неделя помощи фронту», «Топливный трехнедельник», которые объявлялись мероприятиями, имеющими огромное значение в деле экономического и политического укрепления страны [5, л. 10]. Проведение работ сопровождалось широкой агитационной кампанией с участием агентов, политкомов, политруков [4, л. 31]. Составлялись специальные планы агитации, выпускались печатные листовки с воззванием к труду, которые раздавали на вокзалах, продовольственных лавках, сборных пунктах, разного рода учреждениях [6, л. 89].

Однако осуществление работ в порядке трудгужпо-винности оказалось чрезвычайно обременительной практикой для населения. Так, в отчете Вятского исполнительного комитета за 1921 г., что для производства работ, требовавших квалифицированную рабочую силу, с местом жительства рабочих не считались, несмотря на возможную удаленность некоторых районов губернии. Рабочие, не будучи вполне обеспеченными продовольствием, массами дезертировали [9, с. 3]. Согласно

докладу Вятской губернской комиссии по борьбе с трудовым дезертирством, с августа по январь 1921 г. в суды было передано 760 дел, основанием для возбуждения которых служили: уход с работ, уклонение от трудовой повинности, уклонение от мобилизации, учета, оставление службы [10, с. 2].

Результаты трудгужевой повинности следует считать неудовлетворительными и в Нижегородской губернии. Так, Нижегородское губернское экономическое совещание, анализируя работы по перевозке грузов в губернии в 1921 г., констатировало, что в день перевозилась лишь 1/4 часть нормального груза крестьянской лошади [13, с. 61].

Отрицательной стороной этой системы являлось то обстоятельство, что не существовало никаких точных норм повинности, не принимались во внимание интересы сельского хозяйства (период посевных и уборочных работ). Круг потребителей рабочей и гужевой силы, не был ограничен, и на практике почти все хозяйственные учреждения, в том числе кооперативные и частные, использовали труд в порядке повинности, особенно в ходе лесозаготовок и продовольственных перевозок. Серьезное недовольство населения вызывало отсутствие платы за произведенные работы.

В отчете Вятского губернского экономического совещания Совету народных комиссаров и Совету труда и обороны с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. подчеркивалось, что отношение к трудгужевой повинности сложилось в высшей степени неприязненное [11, с. 40].

После введения в стране НЭПа, трудгужевую повинность было решено отменить. Однако большевики не стали полностью отказываться от идеи труда на благо государства. В стране сохранялся топливный кризис, необходимо было осуществлять перевозки продовольствия. 22 ноября 1921 г. вышел декрет Совета народных комиссаров «Об осуществлении периодических трудгужевых повинностей на началах трудгужевого налога».

Трудгужналогу в Нижегородской губернии придавалось большое политическое и хозяйственное значение, весь трудовой эффект намечалось обратить на особо важные государственные работы, в первую очередь, на лесозаготовки и вывозку дров. Работа по организации трудгужналога признавалась ударной, к работе с населением были привлечены партийные работники. Все-го на Нижегородскую губернию Совет труда и обороны (далее, СТО) разверстал заготовку почти 3 млн. кубосаженой дров [2, с. 83].

Сущность данного налога сводилась к бесплатному привлечению крестьянства для работ на нужды госу-

дарства в течение шести дней в году (пешей и конной работы вместе) на каждого трудоспособного гражданина и трудоспособную лошадь. Работы делились на три периода: I период (январь—март) — 3 дня; II период (апрель—сентябрь) — 1 день, III период (октябрь—ноябрь) — 2 дня [19, л. 38, 129]. Налогом облагались все трудоспособные мужчины в возрасте от 16 до 50 лет и женщины от 18 до 40 лет, а также принадлежащий им рабочий скот с соответствующим гужевым транспортом и инвентарем.

Подготовительная работа по проведению трудгужналога в Нижегородской губернии включала в себя следующие мероприятия: составление поволостных и поселенных списков налогоплательщиков; информирование и инструктирование уездных отделов труда; распределение плана заданий по волостям; организацию специальной налоговой инспекции [22, л. 20].

В перечень работ по трудгужналогу входили: заготовка дров, перевозка продовольствия и различных грузов, работы по погрузке-разгрузке материалов и др.

При Нижегородском губернском отделе труда был открыт отдел трудгужналога, где сосредотачивалась информация по всем уездам губернии. Предприятия должны были заблаговременно составлять заявки в губернский отдел труда, где указывалось число необходимых рабочих, срок, характер и район проведения работ. Проведение трудгужналога в уездах возлагалось на уездные экономические совещания и уездные отделы труда, которые должны были принять меры за полным и рациональным использованием рабочей и гужевой силы.

Особое значение придавалось деятельности инспекторов по трудгужналогу, которые должны были контролировать и координировать проведение работ на началах трудгужналога. В функции инспекторов входило: телеграфные донесения и подробные доклады о выполнении трудгужналога; проверка условий работы налогоплательщиков в соответствии с правилами охраны труда; наблюдение за выполнением уездными отделами труда, волисполкомами, сельскими советами оперативных распоряжений по трудгужналогу; взаимодействие с органами милиции для привлечения уклоняющихся [21, л. 61–62].

Каждый налогоплательщик обязывался специальной подпиской выполнять налог, на всех уклонившихся недоимщиков накладывались пени, должники не допускались к работам по вольному найму.

Из донесений с мест сразу выявился ряд недостатков, мешавших успешному ведению работ, среди которых:

отсутствие телеграфной и телефонной связи, что значительно сдерживало темп работ; отсутствие должного содействия со стороны хозяйственников, которые неоднократно меняли заявки, не предоставляли необходимые для работы инструменты, нерационально использовали рабочую силу; сепаратные действия на местах; неправильно составленные списки налогоплательщиков и др. Сказалось также и неприязненное отношение населения, которое отождествляло трудгужналог с трудгужевой повинностью [14, с. 116].

Это привело к тому, что запланированные объемы работ по трудгужналогу в Нижегородской губернии не были выполнены. Например, в первом налоговом периоде процент выполнения составил всего 26% пешей и 54% гужевой силы, а во втором периоде — ещё меньше — 19% и 48% соответственно [19, л. 80]. Рассматривая налоговые задания, следует выделить рабочий район Сормово, где размещался крупный Сормовский завод (с 1922 г. — Красное Сормово), в котором работало больше 12 тыс. чел. [20, л. 10]. Работы были выполнены полностью, даже с неким превышением норм — 108% в человекоднях и 104% в конеднях [14, с. 117]. Но данный пример был скорее исключением, поскольку в большинстве уездов губернии объем выполнения не составлял и половины запланированных работ.

Согласно постановлению СТО от 13 июня 1922 г. в некоторых случаях допускалось вводить денежную замену трудгужевого налога вместо личного отбывания, если личное отбывание его было нецелесообразно или нерационально.

В отношении денежной замены трудгужналога губерния была разделена на четыре района по уровню экономического развития. В первом, наиболее благополучном районе, в который вошли Нижний Новгород, рабочие поселки Канавино и Сормово, Балахнинский, Павловский, Семеновский, Ардатовский, Ташинский уезды, денежная замена налога в переводе на хлебофураж составляла 8 фунтов хлеба за человекодень и 8 фунтов хлеба и 30 фунтов овса за конедень. Во втором районе (Арзамасский и Лысковский уезды) — человекодень — 6 фунтов хлеба, конедень — 6 фунтов хлеба и 24 фунта овса; в третьем районе (Воскресенский и Выксунский уезды) — 5 фунтов хлеба и 5 фунтов овса с 20 фунтами овса. В четвертом районе, уезды которого были признаны голодающими (Васильсурский, Княгининский, Лукояновский, Починковский, Сергачский) нормы трудгужналога были сокращены вдвое — 4 фунта хлеба и 4 фунта овса с 15 фунтами овса соответственно [14, с. 119].

Проведение трудгужналога в форме денежной замены казалось крестьянам легче, чем отработки [22, л. 128]. Но денежную замену трудгужналога также в пол-

ном объеме взыскать не удалось по причинам неурожая, безработицы и в целом сложного материального положения населения.

Усиление административного давления также не повлияло на результативность. Неэффективными оказались такие меры, как повышение до двойного размера нормы обложения трудгужналогом, арест на срок до 2 недель, денежный штраф до пятикратного размера стоимости работ, недопущение налогоплательщиков к работе по вольному найму.

Исполнительные учреждения Нижегородской губернии констатировали невыполнение запланированных объемов работ и в третьем налоговом периоде. В качестве главного тормоза в работе указывалось на реформирование территориального устройства волостей губернии, которое внесло большую путаницу в техническую работу сельских советов и волисполкомов и негативным образом отразилось на организации работ по исполнению трудгужевого налога. Ситуацию усложняло бездорожье, вызванное неблагоприятными погодными условиями, а также отсутствие необходимых инструментов для выполнения работ и материалов для вывозки.

Осуществление трудгужналога в Вятской губернии фактически началось с февраля 1922 г. В отчете Вятского губернского экономического совещания с 1 октября по 1 апреля 1922 г. приводились данные, которые говорили о том, что запланированные центром объемы выполнения трудгужналога были изначально крайне завышенными и составлялись без учета реального положения дел в губернии. Так, трудгужналогом по нарядам центра предполагалось охватить около 192 тыс. человек, тогда как по губернским данным налогоплательщиков насчитывалось всего 112 тыс. человек. Резкое расхождение наряда центра и данных о возможном выполнении запланированных объемов объяснялось убылью лошадей и высокой смертностью людей с началом голода в губернии.

Уже в первом налоговом периоде расчеты на полное выполнение запланированных размеров работ не оправдались. Так, например, для Вятского губернского продовольственного комитета требовалось 96354 конедней, а на деле было отработано только 27000 конедней [11, с. 41].

При рассылке плана на второй налоговой период планировалось в первую очередь привлекать недоимщиков первого налогового периода. Ситуация осложнялась тем, что первоначальный план неоднократно изменялся. Как от центра, так и от местных хозяйственных учреждений посылались дополнительные задания, ко-

торые по своему характеру часто приравнивались к неотложным и подлежали обязательному выполнению. Помимо этого, в связи с критическим продовольственным положением в некоторых уездах (Яранском, Советском, Малмыжском, Уржумском) все работы, предусмотренные планом, были отменены, за исключением пассажирских перевозок.

Отметим, что в Вятской губернии наиболее успешно проводились работы по трудгужналогу при лесозаготовительных работах, поскольку в этой области существовали более четкие условия и нормы работ, а комплектование рабочими кадрами проводилось с учетом их места жительства [12, с. 71—72].

Вопрос о денежной замене трудгужналога должным образом проработан не был. Несмотря на выход постановления СТО от 13 июня 1922 г., которое предусматривало возможность замены трудгужналога денежными взносами, к данной работе вятские власти приступили лишь с 1 января 1923 г. Однако и тогда сбор налогов в денежной форме в регионе оставался трудноразрешимой проблемой. Поэтому в феврале 1923 г. губернские партийные власти ходатайствовали перед центром о разрешении применения смешанных форм трудгужналога [1, с. 32].

В итоге, запланированные объемы трудгужналога оказались невыполненными как в Нижегородской, так и в Вятской губернии. Введенный на смену трудовой и гужевой повинности налог не смог стать постоянным в фискальной системе государства. С одной стороны, трудгужналог был значительно меньше выполнявшихся работ в порядке трудгужевой повинности, поскольку последняя могла проводиться фактически круглый год. По условиям трудгужналога налогоплательщики заранее знали, какую долю своего труда они должны отдать государству, что вносило некоторую ясность и определенность во взаимоотношения населения и властей. Был разрешен свободный отход крестьян на заработки и промыслы. Допускалась денежная замена налога, если отбывание его лично было нецелесообразно.

С другой стороны, негативно сказались организационные просчеты, на практике работа по взиманию трудгужналога оказалась очень трудоемкой, некоторые управленческие решения требовали пересмотра. Завышенные объемы трудгужналога, запланированные для Вятской губернии, изначально ставили под сомнение их полное выполнение. В основе трудгужналога по-прежнему лежало административное понуждение к труду: работы в пользу государства носили обязательный характер, в случае неисполнения должники призывались к ответственности, штрафовались, не допускались к ра-

ботам по вольному найму и др. Отсутствие личной заинтересованности в результатах работы, техническая сложность проведения налога, малая производительность, многообразие налогов, которые обязано было платить население — вот причины, по которым был выдвинут вопрос о ликвидации трудгужналога [18, с. 6]. Проявился кризис принудительной системы труда, у работников не было заинтересованности в результатах работы, трудгужналог воспринимался как продолжение трудовой повинности.

В 1923 г. фискальная система государства вновь была реформирована. Акцент делался на переходе от натурального обложения к денежному [16]. Вместо трудгужналога и ряда других налогов для крестьян, специальным постановлением ВЦИК и СНК от 10 мая 1923 г. был введен единый сельскохозяйственный налог. Он взимался деньгами или хлебными и зерновыми продуктами. Положение «О государственном подоходно-поимущественном налоге» от 1 октября 1923 г., отменяло все элементы трудгужналога в городских поселениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакулин В.И., Березин С.В. К вопросу о подготовительных мероприятиях государственной финансовой реформы 1922–1923 гг. в Вятской губернии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета 2011. № 3 (1). С. 26–33.
2. Вестник Нижегородского губернского экономического совещания. 1922. № 1–2.
3. Вятский край с древности до наших дней / В. А. Бердинских. Киров: ВГПУ, 2006. 400 с.
4. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 201.
5. ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212.
6. ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 265.
7. Ленин В. И. Неминуемая катастрофа и безмерные обещания // ПСС. 5-е изд. Т. 32. М.: Издательство политической литературы, 1969. 605 с.
8. Ленин В. И. От разрушения векового уклада к творчеству нового // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 40. М.: Издательство политической литературы, 1974 г. 506 с.
9. Отчет Вятского губернского исполнительного комитета 1 января — 1 октября 1921 г. Вятка: 2-я государственная типография, 1921. 190 с.
10. Отчет Вятского губернского исполнительного комитета и его отделов VII губернскому съезду рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Вятка, издание Вятского губисполкома, 1921. 310 с.
11. Отчет Вятского губернского экономического совещания Совету народных комиссаров и Совету труда и обороны с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. Вятка: 1-я типография Бумполиграфтреста, 1922. 98 с.
12. Отчет Вятского губернского экономического совещания Совету Народных комиссаров и Совету труда и обороны. Апрель — сентябрь 1922 г. Вятка: 1-я типография Бумполиграфтреста, 1922. 208 с.
13. Отчет Нижегородского губернского экономического совещания на 1 октября 1921 г. Н. Новгород: типография № 1 НГСНХ, 1922. 137 с.
14. Отчет Нижегородского губернского экономического совещания на 1 октября 1922 г. Н. Новгород: Нижполиграф, 1922. 301 с.
15. Постановление Совета рабочей и крестьянской обороны о натуральной трудовой и гужевой повинности от 19.11.1919 г. URL: [http://xn — e1aaejmenosqx-p1ai/node/13758](http://xn—e1aaejmenosqx-p1ai/node/13758) (дата обращения: 08.05.2018).
16. Пыльцина М. В. Правовое регулирование единого сельскохозяйственного налога в годы НЭПа // Наука. Мысль. Электронный научный журнал. 2016. № 4. С. 193–197. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-edinogo-selskohozyaystvennogo-naloga-v-gody-nepa> (дата обращения 24.05.2018).
17. Серебряков В.М., Белянцев Е. И. Восстановление народного хозяйства в Нижегородской губернии (1921–1925 гг.). Горький: Дом политического просвещения Горьковского обкома КПСС; областная организация общества «Знание» РСФСР. 1967. 38 с.
18. Хлопьянкин М. И. Перспективы деятельности Наркомтруда // Вопросы труда. 1923. № 1. С. 6–10.
19. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 160. Оп. 1. Д. 316.
20. ЦАНО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 335.
21. ЦАНО. Ф. 4649. Оп. 1. Д. 10.
22. ЦАНО. Ф. 4649. Оп. 1. Д. 42.

© Стряпихина Анна Александровна (anna-stryapikhina@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»